

А с Натальей Юрьевой мы познакомились при довольно интересных обстоятельствах. Я пришел в Верховный Совет РСФСР получать звание народного артиста. И вдруг подходит ко мне красивая женщина и неподражаемо приятным голосом говорит: «Вот, брат, какой у нашей династии сегодня большой праздник...» Она в роскошном платье, но я улавливаю не только аромат дорогих духов, но и запах зверей. И тут я сообразил, что это та самая Наталья Дурова, которую я видел по телевизору. С этой минуты мы стали с ней близкими друзьями. А чуть позже я познакомился с еще одной сестрой – Терезой Васильевой, обаятельной и отважной женщиной, которая прекрасно работала на манеже. Мы все дружим, хотя, как ни странно, не знаю почему, но часто между цирковыми артистами не бывает такой однонастнойной дружбы. Ведь не секрет, что наши деды, великие клоуны Анатолий и Владимир, не слишком-то жаловали друг друга.

– Интересно, почему цирковые гены не затянули вас в цирк?

– Я иногда задаю сам себе этот вопрос. Наверное, просто никто не позвал в нужный момент. Если бы кто-то поманил пальцем, я наверняка оказался бы в цирке. Может быть, даже униформистом – кто знает! Эта пресловутая судьба могла сложиться по-разному. Я ведь знаю: цирк – зараза такая же, даже страшнее, чем театр. Кто попадает в цирк, оттуда уже не уходит.

У меня с цирковыми отношения складываются мгновенно. Вот только увидел человека – бац, и готово! – и я уже влюбляюсь в него, и дружба навек. Наверное, бродят во мне эти цирковые гены, будоражат кровь и время от времени дают о себе знать. Почему меня тянет к цирку? Почему моим любимым другом был Юрий Никулин? Почему мне постоянно хочется заехать к Наташе в «Уголок», просто посидеть там с ней, с ее помощниками? Что-бы тебя собачка укусила за ногу или попугай на голову накал. Все это неосознанно пританов... Я цирк просто обожаю. Мне там все нравится начиная с запаха. Вот этот запах пота, опилок, навоза, зверей – он ни с чем не сравним. В театре совершенно другой запах. Кроме Театра зверей, конечно. Люблю побродить за кулисами цирка, и так как я Дуров, меня не гонят. Люблю смотреть, как разминаются акробаты, как отдыхают в своих клетках звери. Очень люблю коверных. Мне кажется, что если б я этим занимался, то был бы неплохим коверным. Когда я как-то выразил эту мысль Юрию Владимировичу Никулину, он поддержал меня: «Да, – сказал он, – ты был бы хорошим коверным».

Я заметил, что, если на сцене удастся соединить трагизм с эксцентрикой, происходит эмоциональный разряд огромной мощи. Поэтому я часто использую в своих спектаклях цирковые элементы. У меня вот, скажем, в спектакле «Весельчаки» по Нилу Саймону работали акробаты, братья Воронины. А в спектакле «А все-таки она вертится» и живые собаки бегали, и в руке актера огненный шар загорался, и НЛО летали. Мечтаю поставить спектакль с элементами диджа и эксцентрики. Надеюсь на помощь Никулина, который мог бы подсказать мне какие-нибудь оригинальные трюки, остроумные репризы. Но, увы, уже и Юрия Владимировича не стало, а я все вынашиваю свою мечту...

– Говорят, вас связывала с Никулиным любовь к розыгрышам...

– Однажды, накануне очередных майских праздников, мне позвонили из Президиума Верховного Совета и сказали, что меня наградили орденом Трудового Красного Знамени. А когда мне что-то преподнесут, я тонко, как большой интеллигент, шучу. И я говорю: «Наконец-то вы созрели в Верховном Совете! А я-то уж давно был готов к этому! Во всех пиджаках дырок наковырял! А

Актёр спешит в родной театр.

вы все там никак не мычите не телитесь». Так тонко, интеллигентно шучу. На другом конце провода похихикали над моей шуткой и говорят: «В среду, к десяти утра, просим прибыть. И будьте добры, без опозданий». Я, конечно, как дурак, с утра шею вымыл, галстук нацепил и к десяти утра подъезжаю к этому мраморному зданию. Там часовые: «Здрасьте, Дуров, вы чего?» Стало быть, узнали. «Здрасьте, – говорю. – Мне тут позвонили...» – и объясняю что к чему. А они говорят: «Сегодня не наградной день». – «Как не наградной?

приглашает меня в фильм «Пятеро». И что из советских артистов предлагают сниматься еще господину Никулину. С американской стороны участвуют Пол Ньюмен и еще какой-то популярный артист. Я сразу все понял и позвонил Никулину: «Владимирьч, – сказал ему, – больше ты меня не купишь. Кончай свои розыгрыши». – «Ты о чем?» – спрашивает. – «О письме из Голливуда». – «Значит, ты тоже получишь? – радуется Никулин. – И мне прислали. Не веришь? Сейчас я к тебе Макса с этим письмом пришлю». Приезжает

... А вообще-то, как бы там ни было, свою «цирковую мечту» я все же претворю в жизнь. К этому меня обязывает почетное звание трагический клоун. И присвоили мне его не партия и не правительство – его я получил в Англии. На Эдинбургский фестиваль мы привезли «Женитьбу» Гоголя, которую поставил Эфрос. И меня там в одной газетной рецензии назвали – всякие лестные эпитеты были, но Бог с ними – «трагическим клоуном». Это стало для меня высшей наградой. Подумал тогда: «О, как это замечатель-

Шестую часть Российского Гербовика занимает родословная потомственных дворян Дуровых

Мне сказали, к десяти утра!» Тут они тоже завернули, как и я: «Сейчас, – говорят, – мы позвоним куда надо и все выясним». Они ушли куда-то, а я думаю: «Мы позвонили в секретариат. Вы знаете, ни в одном наградном листе вашей фамилии нет». Я спускаюсь по ступенькам, выхожу на улицу, гляжу – машина. А облокотясь на нее, стоит довольный Юра Никулин и говорит: «Приехал все-таки, дурачок!»

И я, невзирая на флаг на здании, на мрамор, сказал все, что о нем думаю. Все словотворческие еще не забыл. «Кто звонил?» – спрашиваю. – «Я, – говорит. – Кто же еще?» – «Не стыдно?» – «А тебе? – спрашивает. – Поверил, как маленький. Ну здравствуй, мальчик». И мы обнялись. Ладно, думаю, больше я на такой крючок не попадусь. Проходит несколько дней, и меня приглашают в дирекцию театра. Там мне вручают шикарный конверт – весь в штемпелях и пестряти. Вскрываю и вижу отпечатанное на машинке письмо на английском языке. Нашел переводчика, и тот мне перевел, что фирма «Парамаунт»

его сынишка и передает мне точно такой же конверт, в котором лежит письмо с переводом. В нем сказано, что господину Никулину предлагают роль в фильме «Пятеро» и что из советских артистов предлагают еще роль господину Дурову и так далее. Звоню Никулину: «Юра, – говорю, – извини. А я думал, ты разыгрываешь. Ну что ж, поедем, научим их, как надо работать». Проходит неделя, никто не интересуется моими связями с США, и Министерство культуры молчит. Звоню Никулину: «Владимирьч, – говорю, – ты чего-нибудь получал еще оттуда?» – «Нет». – «Тогда, – говорю, – ну их к черту! А то дома уже все волнуются, когда дед поедет, чего-нибудь привезет». – «Не поедем», – соглашается Никулин. – «Не поедем – пусть прозябает». Никулин помолчал немного и спрашивает: «У тебя конверт далеко? Возьми его в руки». Я взял. «Там есть большая треугольная печать?» – спрашивает. – «Есть». – «Прочти, что на ней написано». – «Там же по-английски». – «Но буквы-то ты знаешь, вот и читай». Я читаю. А там написано: «Счастливого пути, дурачок!»

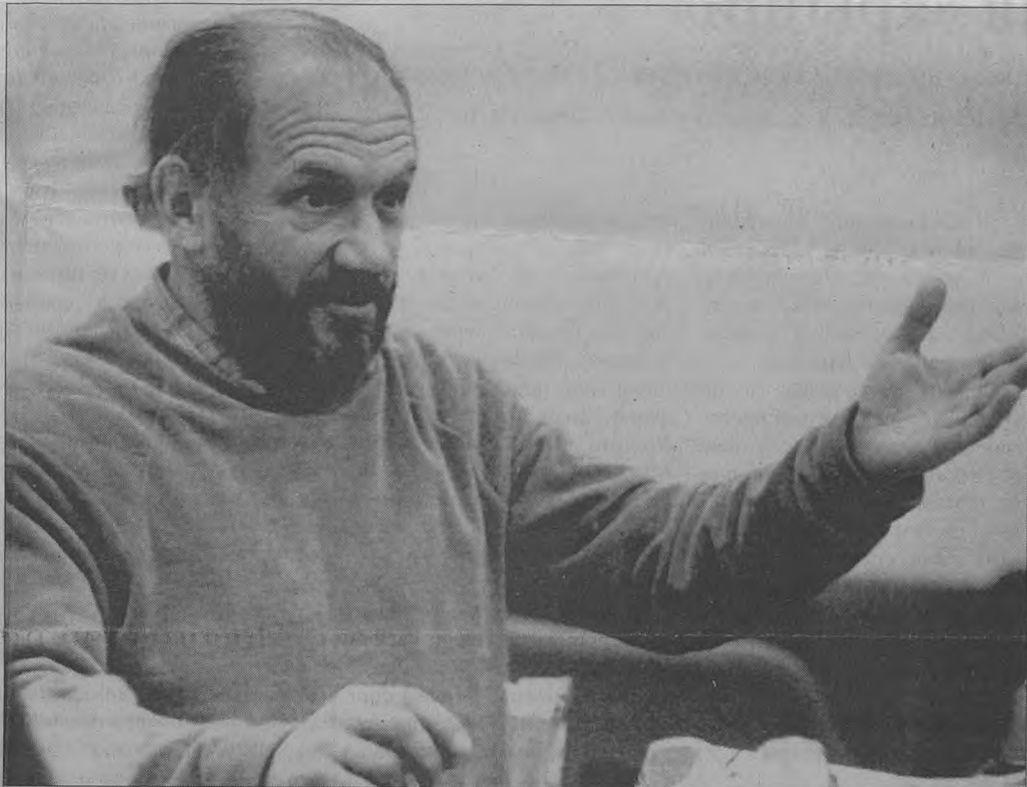
но, если это действительно так. И не нужно мне никакого другого звания. Все эти казенные «заслуженные», «народные» – чушь!» Автор рецензии писал, что этот спектакль стоит посмотреть хотя бы из-за того, что в нем занят «трагический клоун Лев Дуров». И для меня это звание стало самым высоким.

– Как складывались ваши взаимоотношения с властью?

– У меня с властью отношения не складывались никогда, потому что я никогда не дружил с властью. Поддерживали – я занимался своим делом и туда не лез. Для этого нужен особый дар – дар политика, а я занимаюсь своим делом, больше ничего.

– Вы сейчас чувствуете интерес власти к себе?

– Нет, я никогда особо не ощущал такого интереса. Хотя у нас замечательные отношения со Швйджиком, мы с ним знакомы были давно – с тех пор, когда я еще работал в «Ленкоме». Он был очень хорошим театральным критиком. Его жена Марина, еще до того как стала его женой, была у меня в театре и свою первую роль сы-

На репетиции.

Мушкетеры Лев Дуров и Михаил Боярский.

грала в моих спектаклях. Она играла замечательно в «Золушке», потом в «Занавесах». Такая вот у нас дружба...

– Говорят, во время учебы в Школе-студии МХАТ у вас произошла встреча с Хрущевым.

– Наша студия находилась рядом с Красной площадью, а стало быть, и рядом с Кремлем. Моя встреча с Никитой Сергеевичем произошла на углу улицы Горького и проезда Художественного театра, где когда-то был коктейль-бар. Потом, видно, по морально-политическим соображениям его передели в кафе-мороженое. И, не-

смотря на такую метаморфозу, в него всегда стояла очередь.

И вот однажды стоим, ждем. Подъезжают три черные «те» машины. Из одной выходят Хрущев и Тито. «Ребята, Броз, это за мороженым. Чего? Тоже хочешь? Ну давай вста-нем». Все зашумели: «Да вы что, Никита Сергеевич! Ну уж вы... Проходите!» – «Уважаете? Ну ладно, пойдем без очереди. Броз... Ой, а у меня и денег-то нет. Ребята, дайте кто-нибудь пятерку, нам хватит». Подско-чил охранник: «Никита Сергее-

вич...» – «Не, у тебя не возьму. Ты охрана – вот и охраняй. Я у людей прошу». Я стоял рядом с Хрущевым и протянул ему пятерку: «Пожалуйста, Никита Сергеевич». – «Спасибо, а то видишь – без копейки. А ты, – обращается к охраннику, – запиши его адрес, я потом дам тебе деньги и ты перешлешь ему. – И опять ко мне: – Ты не волнуйся, я верну». – «Я и не волнуюсь». Никита Сергеевич доволен: «Видишь, Броз, верят. Ну, пойдем...» Через неделю я

получил перевод на пять рублей.

– Слышал какую-то смешную историю со ссылкой на вас об охоте немецкого вождя Ульбрихта на зайцев. Это правда?

– Когда я играл Анастаса Микояна в фильме «Серые волки», мы поехали снимать в Завидово – это правительственный заповедник. Там начинается сцена охоты на волков. Никто, конечно, никаких волков не убивает. Их сшибают снотворным, обливают красной краской, и они спокойно лежат. Спят. Стою я как-то и чего-то жду. А рядом топчется какой-то человек в телогрейке. А за отворотами телогрейки вижу на нем синий мундир. И солдатская ушанка сидит на нем, как генеральская папаха. Весь подтянутый, красивый, и у него такое замечательное лицо: загорелое, здоровое. И его южный загар резко контрастирует с белым-белым снегом. И вот этот красавец долго топтался вокруг меня, пока я не выдержал и не спросил: «Вы что-то хотите мне сказать?» А он и спрашивает: «Константи-нич, ты знаешь, кто я такой?» – «Нет, – говорю, – не знаю». – «Я егерь Политбюро». – «Прости, – говорю, – но Политбюро уже сто лет как нет». – «А вот про меня забыли». Вытаскивает трудовую книжку и показывает. Читаю, и действительно: «Главный егерь Завидовского заповедника». «Вот, – говорит, – вы про Хрущева тут снимаете, а ты знаешь, что Хрущев мне чуть всю жизнь не искалечил? Сейчас поймете, о чем идет речь». И пока он рассказывал мне свою историю, я и

это время слышу: «Bay! Bay!» – сирены орут. И едут с мигалками «членовозы». Я выбегаю навстречу и уже понимаю, что мне сейчас будут кранты, зная крутой характер Никиты. И вот машины останавливаются, и вылезает из своей Никита. Я поприветствовал его и говорю: «Никита Сергеевич, знаете, сейчас не сезон, и зайцев в заповеднике нет». Тут он побагровел и стал топтать ногой. Кричит: «Как нет? На Руси нет зайцев? Да я тебя стною! У тебя дети попросят хлеба, а знаешь, что ты им дашь? Вот что ты им дашь!» И показывает определенный жест, что я им дам. Короче, орал он, орал, а потом и говорит Ульбрихту: «Пошли». И они зашли в охотничий домик. Я стою и думаю: «Действительно, он меня, конечно, выгонит, а что я детям дам?» И тут мне в голову приходит потрясающая идея. Я вспомнил, что у нас в банке висят заячьи шкурки. Какого черта они там висели – понятия не имею. Но я подумал: поймал на помойке кота, зашью его в шкурку и выпустим под стволы. Все равно руководители сейчас напьются и ни хрена не поймут. Так наш номер и пройдет... Послал я ребят на помойку, они поймали одного голодного кота сеткой и зашили в эту заячью шкурку. Но, как известно, коты очень своенравные животные, самолюбивые и страшно обижаются, когда над ними измываются. Когда мы зашили кота в заячью шкурку, его вроде как парализовало. Он, видно, не мог понять, что с ним делают. Получился этакий котозащ. Он не бежал, не прыгал, а мог только ползти. Значит, после этой процедуры иду я в охотничий домик... Стучусь. Захожу. Никита увидела меня, нахмурился. «Чего тебе?» – спрашивает. «Зайцы, – говорю, – появились». – «Ну вот! А ты говорил, что зайцев нет! Ульбрихт, пошли!» Они хватают ружья и выскакивают на крыльцо. И видят, ползет это чудовище – котозащ! Они вскидывают стволы и – бах! бах! И вдруг этот заяц: «Мя-а-а!» – и на сосну. Ульбрихт от такой сцены упал в обморок. А Никита орет: «Второй раз Германию победили! Завалили немца!» Тут вызвали «неотложку», Ульбрихта увезли, а Никита еще три дня пил в этом домике. И каждое утро выходил, чтобы посмотреть на кота, который сидел на ветке и боялся спуститься вниз. – «Все сидишь? – спрашивал его Никита и предупреждал охрану: – Вы мне этого зайца не трогайте. Не стреляйте в него. Он мне второй раз Германию победил!» На третий день «заяц» пропал, видно, все-таки сполз от голода. А Никита, уезжая, все спрашивал и наказывал: «Вы запомнили его? Смотрите, не стреляйте». А потом по распоряжению Никиты мне выдали премию. Правда, не знаю за что. А еще позже Никита рассказывал, как он был в больнице у Ульбрихта, и тот сказал: «Никита, какой же дурак был Гитлер, что пошел на державу, где зайцы по соснам лазают».

– Вам бы книгу за книгой писать, Лев Константинович!

– А я и пишу. ■